

БЫВАЯ в Москве, я люблю заглянуть в Центральную библиотеку имени В. И. Ленина. Там, в одном из отделов, хранятся старые фронтовые газеты, которые некогда держал в окопах, на передовой. Сколько встреч с бывшим воскресают сейчас их пожелтевшие номера! Листая однажды подшивку армейской газеты «За нашу Родину» за 1942 год, я обратил внимание на фотоснимок: стройный, подтянутый офицер стоит в окопчике наблюдательного пункта, смотрит в бинокль.

Вздрогнуло сердце: Ильюша? Подпись под снимком, небольшая заметка, подтвердила: да, это он, мой фронтовой друг, командир артиллерийской батареи Илья Степанович Демченко. Снят там, под Матвеевым Курганом, в день первой годовщины войны.

ВСТРЕТИЛИСЬ мы раньше — осенью сорок первого, во время нашего наступления под Ростовом. Однажды на роту, которой я в ту пору командовал, пошли немецкие танки. Четыре бронированные машины выкатили из-за бугра. Мы же — в чистом, ровном, как ладонь, поле. Только скирды позади. И туго бы пришлось автоматчикам роты, если бы с тыла не ударили наши пушки. Разрывы накрыли танки, один загорелся, другие повернули вспять.

Пушки, выручившие роту в столь тяжкий момент, били его,

комбата Илья Демченко.

Позднее наши пути не раз скрещивались на дорогах того осеннего наступления. Надолго же свела нас боевая судьба под Матвеевым Курганом, на Миусе, у поселка Рясное весной сорок второго.

Тогда, после мартовских боев, рота заняла оборону в каме-

дончавшие нас немецкие минометы, огненным щитом прикрывали роту.

МАЙСКИМ утром там же, в районе каменоломни, на узкой нейтральной полоске, приземлился наш поврежденный в воздушном бою истребитель. Летчик, приползший на мой КП, сообщил: самолет новой

ровые дальнобойные пушки противника. Огневой палет длился около часа. Но потери на батарее были незначительными. Ранено ездового, разнесло передок из-под снарядов, убило две лошади. Утром Демченко, как ни в чем не бывало, вновь открыл огонь по скоплениям немцев возле Рясного. Над его по-

беду батарейцам, били по «Фокке-Вульф». Но попробуй, достань его... Я же бросился к телефону. Главный провод, протянутый к КП Демченко, оказался перебитым. Связист подключил к аппарату запасную линию. Наконец, слышу самого комбата: из трубки доносится раскатистый его... смех:

— Быют-то они по телегам. Понял?

Что же оказалось? После первого огневого налета немцев, предвидя его повторение, Демченко оттянул свои орудия в балку, поближе к хутору Богатыреву. На старых же позициях поставил добытые в хуторе телеги. Артиллеристы подняли дышла. Сверху они походили на стволы. Сделали еще человеческие чучела, все это подкрасили. В общем, получилось четыре «орудия» с расчетами. По ним-то и били наведенные корректировщиком крупнокалиберные пушки немцев. Свыше сотни снарядов выпустили они тогда по ложным позициям Демченко.

А. ГОЛУЗОВ.

(Окончание следует).

марки, и надо все сделать, чтобы его не захватили фрицы. Они, между тем, подбирались к самолету, тянули трос.

Но снова ударили пушки Демченко. Смерч огня разметал немцев. Защищая красноезвездный ястребок, батарея вела заградительный огонь до того часа, когда к нему подошел наш танк, и он на буксире был, наконец, эвакуирован в тыл.

Батарея «Ильюши-артиллериста» (так ласково называли комбата автоматчики) буквально глушила фрицев: накрывала их в окопах, била по кухням, ближним тылам.

Однажды после полудня над ее расположением появился воздушный корректировщик «Фокке-Вульф». Вслед за тем, наведенные им из-за Рясенского взгорья устаревшие 155-миллимет-

зициями тотчас вновь появился корректировщик. На этот раз немецкие артиллеристы стреляли особенно яростно, методично, залпами. За Каменкой, где стояли пушки, все тонуло в дыму разрывов. Огромные султаны земли поднимались к небу, а там, в голубой выси, продолжала кружить «рама» — корректировщик.

Тяжкую эту картину расправы с батареей-защитницей с болью наблюдали мои автоматчики. Казалось, что в урагане огня, бушевавшем за Каменкой, от пушек Демченко ничего не останется. В окопах роты затрепачили «ППШ»: бойцы в бесильной ярости, пытались хоть чем-нибудь помочь попавшим в

ПЕРВАЯ ТРАНШЕЯ

О чем напомнил фотоснимок военных лет

ноломне, восточнее поселка Рясного. Помню, когда вошли в карьер, в блиндажах его, открытых в каменных откосах, еще отдавало чужим духом. Накануне каменоломня была отбита у немцев. Они не смирились с потерей этой позиции, пытались ее вернуть. Случалось, на рассвете, засыпая карьер минами и снарядами, накапливались для атаки. Когда автоматчикам роты становилось неважно, а немцы были совсем близко, я брал телефонную трубку:

— Помогай, командир!

Батарея стояла позади в балках за речкой Каменкой. Там, над бугром вспыхивал отсвет, и над нами шуршали его снаряды. Стена разрывов накрывала гитлеровцев, и они залегали, откатывались назад.

Пушки Демченко подавляли

«ЗВЕЗДА»

8 июля 1975 года.

(Окончание. Нач. в № 82).

ВСЕ ЭТО встало в памяти, ожило в тиши библиотечного зала, когда смотрел на газетный снимок, вчитывался в короткую заметку, помещенную под ним. Над заметкой стоял заголовок «Ночь на батарее», и посвящалась она первой годовщине Великой Отечественной войны. Эту годовщину он встретил там, под Рясным, поддерживая нашу роту.

Вспомнилась деталь. Накануне Илья Степанович передавал мне по телефону: на батарею должны приехать корреспонденты армейской газеты, будут делать репортаж, так что позвони мне утром, попроси огонька, так сказать, для краски корреспондентам. Мне не пришлось вызывать огонь батарей для «красок»: немцы тоже решили «отметить» годовщину войны и на рассвете вновь полезли на роту. Волей-неволей пришлось

ПЕРВАЯ ТРАНШЕЯ

О чем напомнил фотоснимок военных лет

браться за телефонную трубку.

Но где же теперь комбат Демченко? Жив ли он? Я связался позднее с секцией ветеранов 339 стрелковой дивизии, в которой вместе с ним находился под Матвеевым Курганом. Оттуда сообщили: есть такой в списках членов секции, живет в Сочи, возглавляет ДОСААФ. И вот первое письмо от него. Илья Степанович сообщает, что после Матвеева Кургана он сражался с оккупантами на Кавказе, воевал в Крыму, дошел до Берлина. «Но в памяти моей навсегда сохранилась речка Каменка и будто нарытые кротами бугорки — каменоломня под Рясным, — писал он. — Как часто наводил я объектив стереотрубы на нее, с тревогой всматривался, как там

чувствуют себя автоматчики? То была первая наша траншея, которую вместе удерживали в войну. Святое место. Тянет к нему душой, как к молодости».

Я ИСПЫТЫВАЛ то же, и недавно, в один из праздников Победы, предварительно списавшись, мы вместе сошли с поезда под Рясным. Смятение отразилось на лице моего спутника, когда окинул взглядом солнечно яркий, оживленный, утопавший в зелени поселок. То ли это Рясное, которое видел в свой бинокль испепеленным, мертвым, где среди бурьянов торчали лишь печные трубы?

Удивление сказочной новью сменилось щемящей грустью, когда, перейдя Каменку, взобрались мы на крутой бугор. В ложинке за ним среди трав

явственно обозначались следы четырех широких окопов с брустверами, направленными к Рясному. Позиции комбата Демченко, четырех орудий... Это над ними вспыхивали отсветы в июньские ночи сорок второго, когда я бросался к телефону: «Выручай, Ильюша».

Илья Степанович, между тем, подошел к откосу, опустился в заросшую впадину. То был остаток его наблюдательного пункта, того самого НП, на котором он снят более тридцати лет назад с биноклем. Нашел его, видно, сердцем. Некогда ладный, прочный блиндажик обрушился и запыл, но с него, как и тогда, открывались широкие дали. В знойном мареве дрожало Рясенское взгорье, блестела ленточка Миуса, а ниже Рясного,

стесненная зеленью ухоженных полей, будто кротовые бугорки, виднелась каменоломня — «первая наша траншея». И видно, многое напомнили ее очертания. Илья Степанович умолк.

Над ним, как тогда, в командирской молодости, звенел в небе жаворонок, а рядом, по бровке окопчика, шептались такие знакомые серебристые ковыли. Между тем подошли вездесущие дети: «Дяденька, расскажи за что получил орден». Потом был вечер в Рясном, на котором он выступал перед пионерами, были крепкие рукопожатия их отцов-тружеников Рясного.

Так вот закончилось мое путешествие по следам старой фотографии фронтowego друга — встречей с ним на кусочке земли Примиренья, где она была сделана тридцать три года назад, в первую годовщину Великой Отечественной войны.

А. ГОЛУЗОВ,
капитан запаса,
член Союза
журналистов СССР.

г. Исков,